Международные процессы, Том 15, № 2, сс. 77–88
DOI 10.17994/IT.2017.15.2.49.5

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЗМЫ
Обзоры зарубежных публикаций

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

ДАРЬЯ ЛОБАНОВА
МГУ ИМ. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

Сегодняшнее состояние международных отношений характеризуется рядом специалистов как «новая холодная война». В подобных условиях на первый план выдвигается вопрос о поиске необходимых способов реагирования на вызовы и угрозы, в связи с чем государства, обладая необходимым для этого потенциалом и возможностями, стремятся более изощрённым путём оказывать воздействие на своих оппонентов для достижения желаемых политических результатов. Анализ развития информационных концепций демонстрирует, что важность категории силы в её различных проявлениях как основного внешнеполитического ресурса любого государства остаётся основным методом межгосударственного общения. В статье автор рассматривает эволюцию подходов к определению значения и роли силы в мировой политике, применяя теоретические концепции для анализа международной обстановки. Изучение развития рассматриваемого концепта в трудах мировых и отечественных специалистов в области данной проблематики демонстрирует, что представители основных школ теории международных отношений (ТМО) по-разному оценивают и определяют границы и целесообразность использования государством своей военной мощи и принудительных действий, т.е. «жёсткой силы», с одной стороны, с другой – «мягкой силы», определяемой американским политологом, профессором Джозефом Наем как «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения и подачек». Анализ работ ведущих аналитиков позволяет сделать вывод о значимости обоих типов силы в нынешней конфликтной международной среде. Так, сохранение или в некоторых случаях наращивание военных бюджетов ряда стран демонстрирует приверженность принципам «жесткой силы», с другой стороны, бюджеты на продвижение «мягкой силы» являются существенной статьёй расходов этих же государств. Вместе с этим автор приходит к мнению о понятийной многозначности понятий «жёсткая» и «мягкая сила», способной создать методологические трудности при исследовании данной проблемы.

Ключевые слова:

сила; «мягкая сила»; «жёсткая сила»; реализм; неолиберализм; транснационализм; Най; международные отношения; мировая политика; Россия; США; Китай.

Значение понятие силы как основного внешнеполитического ресурса любого государства в теории и практике мировой политики сложно переоценить. К анализу данной категории в определённые исторические периоды обращались представители разных школ – от реалистов до «транснационалистов».

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: lobanova@gorchakovfund.ru

Настоящая статья призвана ответить на два вопроса: 1) какие политические действия государств приравнивать к проявлениям «жёсткой» силы, какие, наоборот, к «мягкой», учитывая их понятийную многозначность? 2) какой из инструментов силы более эффективен на практике и способен усилить позиции страны на международной арене? Для решения поставленных задач она структурирована следующим образом. В начале дается определение понятия силы и рассматриваются подходы теоретиков основных направлений ТМО – реализма, неолиберализма и транснационализма. Затем автор анализирует концепцию «мягкой силы» и приводит примеры её практической реализации. В заключении статьи поднимается вопрос о соотношении «мягкой» и «жёсткой силы».

1

Понятие силы определяет способность субъекта международных отношений влиять на поведение другого субъекта или объекта посредством использования различных методов и инструментов. На протяжении значительной части истории сила приравнивалась к военной мощи государства, что определялось высокой конфронтационностью международной среды [Давыдов 2004: 69–80]. Коренные изменения в международных отношениях (например, смена международных систем) происходили по результатам войн, что превращало силовой потенциал в необходимый атрибут межгосударственного общения.

В политической науке принято выделять две основные коннотации понятия силы, имеющие различное обозначение в английском языке:

– *power* – способность государства конвертировать мощь в политическое влияние;

– *force* – военная сила государства [Фененко 2015: 9].

Вместе с тем способность оказывать влияние зависит от имеющихся у государства ресурсов – силового (совокупный военный потенциал государства), экономического, территориального и демографического, организационного (участие в организациях, политических клубах, представленность в союзах), а также культурного капитала [Фененко 2015: 10]. Второе понимание силы, как правило, интерпретируется с точки зрения наличия и применения военной мощи одного государства в отношении другого.

В качестве основополагающего элемента системы международных отношений сила рассматривалась ещё в трудах античных и средневековых авторов, таких как древнегреческий историк Фукидид и итальянский философ и дипломат эпохи Возрождения Никколо Макиавелли. Если мы обратимся к трактовкам основателей ***реалистического подхода*** теории международных отношений – Гансу Моргентау [Morgenthau 1967] и Алану Тейлору [Taylor 1954], – то сила в их понимании представляла собой борьбу между национальными государствами за лидерство и безопасность. Реализацию этой задачи они видели через достижение принципа «баланса сил»[1], которого государства–акторы международных отношений добиваются, проводя «политику с позиции силы»[2]. В целом силовое противоборство государств – это, с позиции реалистов, естественное состояние международных отношений, в которых государства рассчитывают исключительно на себя [Торкунов, Мальгин 2012: 8].

Силовые парадигмы развивались параллельно с ходом исторического развития и развития системы международных отношений, отражая характер международной среды соответствующего периода. Со временем сторонники относительной теории силы, противопоставлявшие себя последо-

[1] «Баланс сил» – одна из основных категорий политического реализма. В концепции Г. Моргентау понятие «баланс сил» синонимично понятию «равновесие», которое определяет стабильность внутри системы, образованной из некоторого числа государств. По мнению представителей реалистического течения, «баланс сил» является единственным способом обеспечения национальной безопасности.

[2] Нем. Machtpolitik.

вателями теории реализма и неореализма, подвергли эту концепцию критике, что оказало существенное влияние на разработку множества других доктрин, существующих в современной науке.

Таким образом, последователями реализма сила воспринималась, прежде всего, как инструмент достижения национальных интересов, выживания и борьбы с другими государствами. В этой связи Г. Моргентау пишет о международных отношениях как об арене острого противоборства государств [Morgenthau 1967: 90], целью которых было увеличение своей власти и уменьшение влияния других. По его мнению, «сила может включать в себя всё то, что устанавливает и поддерживает власть человека над человеком – от физического насилия до самых тонких психологических связей, с помощью которых один разум управляет другим» [Гусаков 2011: 15].

Взгляды Генри Киссинджера, другого авторитетного представителя реализма, в значительной степени сформировались под влиянием изучения политики «европейского равновесия» первой четверти XIX века [Богатуров 2010: 223]. Он утверждал, что мир невозможно обеспечить без равновесия, а справедливость без самоограничения [Kissinger 1979: 55]. Г. Киссинджер внёс вклад в разработку теории международных отношений, разграничив в своих поздних работах два похожих термина – *balance of power* (силовое равновесие, о котором говорил в своих трудах ещё Г. Моргентау) и *balance of forces* (эквивалент термина «соотношение сил») [Kissinger 1994]. Первый он применял к историческому периоду до 1918 года, второй – к неустоявшимся «отношениям влияния» между Германией и европейскими соседями в 1990-е годы [Богатуров 1997: 26]. Американский специалист получил возможность применить свои теоретические наработки в практической деятельности на ведущих государственных постах. В частности, приоритизация силовых отношений, а не идеологических ориентаций проявилась в его готовности использовать в национальных интересах США советско-китайский конфликт и пойти на нормализацию отношений с Пекином, а также в стремлении к восстановлению взаимодействия с Францией.

Процессы глобализации второй половины XX в. побудили специалистов сформулировать новые подходы к пониманию феномена силы. Как исследователи, так и представители политического истеблишмента стали осознавать растущую значимость международных и неправительственных организаций, а также транснациональных компаний, что привело к возрождению в научных кругах интереса к либеральным идеям и новому их прочтению – появлению ***неолиберализма*** и ***транснационализма***. Теоретики этих двух течений (например, Р. Кохейн, Дж. Най, Дж. Розенау), с одной стороны, следовали положениям представителей классического либерализма, в том числе британского философа Дж. Локка[3] с его идеей естественных прав и немецкого мыслителя И. Канта[4] с его представлениями о гражданском обществе. С другой стороны, они внесли новые вводные в либералистскую теорию, которые стали базовыми основаниями новых теоретических течений. Одна из них – право мирового сообщества использовать силу для принуждения к продвижению демократии и убеждённость, что на смену миру национальных государств приходят транснациональные системы – от институтов и организаций до террористических сетей. В числе других их положений – идея отмирания суверенитета, принцип свободной торговли, идея о глобальном гражданском обществе, «вашингтонский консенсус», монетаризм М. Фридмана, принцип нового интервенционизма. Также для неолибералов важен фактор экономической взаимозависимости, о которой говорил Н. Энджелл в своей работе «Великая

[3] *Локк Дж.* Два трактата о правлении. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf
[4] *Кант И.* Критика практического разума. URL: http://iakovlev.org/zip/kant2.pdf

иллюзия», изданной в 1910 году[5]. Главный тезис автора состоял в том, что военная сила не способна привести государство к процветанию – его можно добиться только с помощью экономических связей[6].

Ведущие представители неолиберализма Р. Кохейн и Дж. Най для описания сложившейся во второй половине XX века международно-политической картины предложили концепцию комплексной взаимозависимости [Nye, Keohane 1971: 329–349]. В ней авторы указывали на интенсификацию транснациональных связей и повышение взаимозависимости между обществами. Этот процесс приводил к тому, что значимость использования военной силы и балансирования интересов участников международных отношений хотя и оставалась существенной, но начинала уменьшаться.

Р. Кохейн, анализируя взгляды Г. Моргентау, утверждал, что представления последнего о международных отношениях как борьбе за власть не выглядят убедительными ввиду отсутствия чёткости разграничения понятий – он «не разделял власть как ресурс (имеющий в основе как материальный, так и нематериальный характер) и власть как возможность влиять на поведение других» [Keohane 1986: 12]. По мнению Р. Кохейна, если отталкиваться от второго определения, встаёт вопрос о том, «чем обусловлено поведение людей – большим количеством танков, большей экономической производительностью или более привлекательной идеологией» [Keohane 1986: 8].

Другой представитель неолиберализма, Дж. Розенау, доказывал, что национальные государства более не занимают центральное место в международном управлении, уступая ведущую роль в нём частному сектору и негосударственным игрокам [Rosenau 1997]. Такое изменение лишало смысла традиционные представления о международном балансе сил, характерные для реализма, так как они фокусировались на государствах, не учитывая растущее влияние транснациональных связей[7]. Постулируя необходимость обеспечения свободы человека, его прав, формирования гражданского общества, общих ценностей и демократизации международных институтов, представители либерализма и неолиберализма не исключали применения силы, но в другом формате, чем реалисты.

2

Новые явления информационной эпохи 1990-х годов, вписанные в транснациональную парадигму, сформировали предпосылки для появления ***концепции «мягкой силы»*** [Nye 1990]. Стирание границ между внутренней и внешней политикой государства, вылившееся в уплотнение международной среды, было объективным и закономерным явлением, ознаменовавшим перерастание международных отношений в мировую политику[8]. В этой связи американский специалист Дж. Най предложил учитывать при формировании внешнеполитического курса имеющиеся в инструментарии «мягкой силы» ресурсы. Он указывал на то, что позитивный имидж, посредством которого одни государства могут располагать к себе другие, в новых условиях может быть более эффективным инструментом воздействия, нежели «жёсткая сила» [Nye 2004: 23], связанная с использованием военной мощи и инструментов принуждения [Nye 2003]. В этом смысле мягкая сила выражается в «способности добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения и подачек» [Най 2004: 15]. По мнению автора, первым по значимости

[5] Встречается также другой вариант перевода книги на русский язык – «Великое заблуждение».

[6] *Angell N.* The Great Illusion. URL: http://elibrary.mediu.edu.my/books/2014/MEDIU12335.pdf

[7] Розенау в своём докладе «The Terrorist and the Tourist: Two extremes on the Same Transnational Continuum», представленном в 1978 г. в Вашингтоне на ежегодной встрече Ассоциации международных исследований, обозначил роль новых участников международных отношений, которых он символически назвал «туристом и террористом».

[8] *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А.* Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений [Электронный ресурс]. URL: http://obraforum.ru/Essays.htm

ресурсом государств выступает культура (в случае её привлекательности для населения других стран), вторым – набор политических ценностей, третьим – внешняя политика государства [Nye 2014: 11].

Концептуализированные Дж. Наем инструменты ведения «мягкой» и «жёсткой» политики отражают практики, которые страны демонстрировали в более ранние периоды истории. О воздействии на умы писал ещё древнекитайский стратег Сунь-Цзы: «Лучше завоёвывать сердца людей, чем города, в которых они живут»[9]. В то же время Дж. Най отмечает, что «овладение сердцами и умами всегда было актуально, но ещё важнее стало с наступлением глобального информационного века» [Nye 2004: 1]. В некоторых ситуациях, по его мнению, подобная привлекательность может быть обусловлена и ресурсами «жёсткой силы» (значительный военный потенциал страны). Вместе с тем они могут приниматься международным сообществом лишь при наличии «мягких» инструментов влияния. В качестве примера государства, не имеющего никаких вооружений, но обладающего, тем не менее, огромной «мягкой силой» (и не только в глазах католиков), Дж. Най приводит Ватикан [Nye 2004: 9].

В соответствии с концепцией Дж. Ная «мягкая сила» имеет два источника – внутренний (привлекательность модели социально-экономического развития страны), с одной стороны, и внешний (инструменты «мягкой силы» государства обращены на другие страны и оказывают воздействие на общественное мнение) – с другой [Nye 2004: 13]. Вместе с тем некоторые западные исследователи отмечали, что успех политики обеспечен только тогда, «когда за спиной американской дипломатии есть тень вооружённых сил США и НАТО» [Sicherman 1997: 12–13]. В этой связи британский историк Н. Фергюсон связывает «мягкую силу» с империализмом, двигателем которого может быть только «жёсткая сила». Согласно его мнению, значение концепции Дж. Ная преувеличено, а методы, описанные им в качестве набора нетрадиционных инструментов (культурных и коммерческих) [Nye 2007: 163–164], не дают необходимого результата на практике и весьма ограниченны. «Мягкая сила», пишет Н. Фергюсон, это всего лишь «бархатная перчатка, скрывающая железную руку» [Ferguson 2004: 24].

Напротив, нидерландский специалист в области международных отношений Я. Мелиссен [Mellisen 2005: 6] выделил «мягкую силу» в качестве ключевого инструмента государства и подчеркнул, что в дипломатической практике она используется давно. Это утверждение он подкреплял тем, что США, СССР и некоторые европейские державы (Франция, Великобритания, Германия) много инвестировали в свое «общение с миром» уже во времена «холодной войны» [Tuch 1990: 37].

3

В 2000-х годах концепция «мягкой силы» продолжила пользоваться популярностью, привлекая внимание научных и академических кругов, представителей гражданского общества, крупных чиновников и государственных деятелей. Существенный вклад в более глубокое осмысление термина «мягкая сила» и в его системный и структурный анализ внёс американский профессор Дж. Галларотти. В исследовании «Мягкая сила: что это, почему она важна, и условия, в которых она может быть эффективно использована» [Gallarotti 2011: 25–47] он анализировал спорные аспекты в оценке и применении концепции Дж. Ная, выделяя три направления, которые ещё следует доработать:

1) систематизация методов использования «мягкой силы»;

2) объяснение причин повышения значимости «мягкой силы» в мировой политике;

3) предоставление некоторых рекомендаций по использованию «мягкой силы» лицам, принимающим внешнеполитические решения.

[9] *Сунь-Цзы.* Искусство войны [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/science/sun-tszy/01.html

Таблица 1 **Основные ресурсы «мягкой силы»**

Внешние источники (внешняя политика государств)	**Внутренние источники** (внутренняя политика государств)
— соблюдение международных законов, норм, договоров и договорённостей в рамках союзов; — следование принципу многосторонних отношений и отказ от односторонности; — готовность пожертвовать краткосрочными национальными интересами для общего блага; — приверженность либеральным принципам в торгово-экономических отношениях.	*Культура*: — провозглашение социального единства; — высокий уровень жизни; — свобода; — обширные возможности; — толерантность; — привлекательный образ жизни. *Политические институты*: — демократия; — конституционализм; — либеральные ценности/плюрализм; — чёткое функционирование государственной бюрократической системы.

Источник: составлено автором по: [Gallarotti 2011; 23].

По мнению автора, традиционные представления о силе в международных отношениях мало подходят для объяснения и понимания современной космополитичной мировой системы [Gallarotti 2010: 13]. Галларотти разделяет внутренние и внешние источники «мягкой силы» (Табл. 1).

В этот период времени концепция «мягкой силы» получает своё широкое распространение не только в работах западных теоретиков, но и в трудах отечественных учёных, таких как Ю.П. Давыдов, А.В. Торкунов, М.М. Лебедева, А.В. Демидов, И.А. Чихарев, М.В. Харкевич, А.Е. Фоминых, Г.Ю. Филимонов, Ю.А. Никитина, И.А. Сафранчук, А.В. Манойло, О.В. Леонова, А.В. Фененко, А.О. Наумов, А.Е. Коньков, И.В. Радиков и Я.В. Лексютина. Особо стоит выделить два крупных российских исследования 2015 года – проект «Методология системного анализа практики применения инструментов “жёсткой” и “мягкой” силы во внешнеполитических целях» (руководители: А.А. Кокошин, Ан.А. Громыко, А.А. Сидоров) и коллективную монографию «Soft power: теория, ресурсы, дискурс» (под редакцией О.Ф. Русаковой).

Оригинальный подход к пониманию «мягкой силы» предложил отечественный специалист П. Паршин. Он пишет о необходимости разделения двух её трактовок:

– технологической, в которой она представляется как инструмент (в особенности коммуникативная), используемый в мировой политике для нанесения потенциально меньшего ущерба объекту применения силы по сравнению с другими инструментами;

– ресурсной, в соответствии с которой «мягкая сила» определяет потенциал воздействия субъекта международных отношений, обусловленный его притягательностью и стремлением приобщиться к его ценностям [Паршин 2014: 14–21].

Между тем Т.А. Алексеева указывает на некоторые риски, связанные с использованием государством «мягкой силы». По её словам, они явственно проявились в случае Германии – её репутация как социального государства и страны, отличающейся доброжелательным отношением к иностранцам, привела к тому, что «основной поток беженцев с Ближнего Востока в конце 2015 – начале 2016 года устремился именно туда» [Алексеева 2016: 5–21]. Наряду с риском эксплуатации, порождаемым привлекательностью государства, Т.А. Алексеева указывает, что «мягкая сила» «способна вселить в руководство страны ложное чувство безопасности». Она может приводить к чрезмерной самоуверенности, которая в конечном счёте нанесёт вред государству.

Следует также обратить внимание на разработанность концепции «мягкой силы» в работах китайских специалистов.

Её активное обсуждение в КНР началось в первой декаде 2000-х гг. при участии таких авторов, как Ван Хунин [Huning 1993], Хон Ин Ван и Е Чхун Лю [Wang & Lu 2008]. Мнение исследователей относительно основного инструмента «мягкой силы» страны расходятся. В качестве основных треков оказания влияния выделяются: 1) культурная экспансия; 2) оказание гуманитарной помощи (содействие международному развитию); 3) многовекторная внешняя политика.

В середине 2000-х гг. параллельно с понятием «мягкая сила» в США начинает разрабатываться новая концепция ***«умной силы»***[10]. Она вобрала такие составляющие, как значительное внимание к сотрудничеству, союзам, институтам разных уровней для расширения американского влияния и придания законности американским действиям наряду с сохранением и поддержанием военного потенциала государства. Таким образом, «умная сила» представляется как комбинация «жёсткой» и «мягкой силы», не исключая при этом применения военного и экономического давления [Nye 2011: 320]. Данная концепция возникла как попытка осмысления итогов политической деятельности США с начала 1990-х годов, а именно расширения НАТО и активного участия США в региональных конфликтах (таких, как войны в Персидском заливе, Боснии и Косово, военная операция в Афганистане, операция в Ираке).

С началом второго десятилетия XXI в. наблюдается **некоторая** стагнация в исследованиях, касающихся проблематики силы в мировой политике. Она может быть связана с тем, что Дж. Най и его последователи довели анализ этого вопроса до логического завершения, а унифицированный механизм оценки мягкой политики ещё не выработан. В то же время получили распространение международные рейтинги, оценивающие успех «мягкой силы» тех или иных государств мира по различным критериям[11].

4

Появление новых норм международного права заставляет по-другому смотреть на то, как и при каких обстоятельствах субъекты мировой политики могут применять силу в отношении других акторов. Мимикрируя в зависимости от конкретной внешнеполитической задачи, природа силы в нынешних условиях остаётся неизменной по своей сути категорией, меняющей лишь форму своего проявления. Иначе говоря, сила сегодня есть «реалистическая категория в либеральной обложке».

Один из примеров – концепция «*обязанность защищать*» (англ. Responsibility to Protect или R2P), принятая на Всемирном саммите ООН в 2005 г. и закрепившая право международного сообщества на вмешательство в дела другого государства для «защиты населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности», если её не способно обеспечить само государство[12]. В данном случае применение силы в официальных документах трактуется не в реалистическом понимании, а как сила в понимании приверженцев либерализма, используемая для защиты прав человека вне зависимости от страны проживания.

Существуют и обратные примеры того, как традиционные источники «мягкой силы» начинают восприниматься в качестве инструмента принуждения. Например,

[10] Авторство этого термина оспаривается между Джозефом Наем и Сьюзан Носсел, бывшим заместителем постоянного представителя США в ООН, а ныне Исполнительным директором американского ПЕН-Центра (англ. PEN International). В 2004 г. в Foreign Affairs вышла её статья под названием «Smart Power».

[11] Среди них встречается ежегодные рейтинги «Soft Power Survey» британского издания Monocle и «Anholt-GfK Roper Nation Brands Index», а также рейтинги «East West Global Index» (последний рейтинг датирован 2011 годом) , «Rapid Growth Market Soft Power Index» (рейтинг датирован 2012 годом), «The New Persuaders. A Global Ranking of Soft Power» (последний рейтинг был опубликован в 2013 году), «Country Brand Index 2014-2015», «Soft Power 30» (2017 год).

[12] Итоговый документ Всемирного саммита ООН в 2005 году. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/womenwatch/ods/A-RES-60-1-E.pdf

британское PR-агентство Portland, публикующее с 2015 г. рейтинг Soft Power 30, выделяет *экономическую и инвестиционную привлекательность* в качестве одной из шести составляющих «мягкой силы»[13]. Между тем профессор политологии университета де Ла Салль в Маниле Р. Хайдариан в статье «Конец мягкой силы Китая» отмечает, что, несмотря на развитие торговли и инвестиционных отношений между КНР и другими развивающимися странами, соседи Пекина видят в китайском бизнесе инструмент экспансионизма. По словам автора, у них складывается мнение о том, что «мягкая сила» Пекина – лишь прикрытие его «жёсткой» стратегии[14]. Таким образом, в зависимости от конкретной ситуации экономическая мощь может выступать в роли источника как привлекательности, так и давления.

Ещё одну проблему для классификации представляет кибертерроризм – воздействие отдельных групп лиц на серверы крупных компаний и государственных ведомств, целью которых выступает выведение из строя различных систем[15]. К какому типу силы относить причинение подобного вреда, у которого нет явных признаков «жёсткой силы», – вопрос открытый.

Таким образом, предложенное Дж. Наем разделение «жёсткой» и «мягкой силы» сегодня не работает. Границы между ними оказываются стёрты настолько, что отделить одно от другого представляется непростой задачей. Российский государственный деятель К.И. Косачев, давая оценку способам использования «мягкой» и «жёсткой силы» западными странами и Китаем, говорит о том, что первые используют их как сумму своих методов **ведения внешней политики**, где различием является лишь вес каждого слагаемого в этом уравнении и где любое из слагаемых может быть равно нулю. Однако более верной, по его словам, является китайская модель, рассматривающая это соотношение в качестве произведения, что делает невозможным приравнивание одного из множителей к нулю [Косачев 2013: 14].

* * *

Анализ содержательных аспектов работ теоретиков позволяет сделать вывод о том, что отношение к понятию «сила» во многом было связано с характером международной среды конкретного периода времени. Несмотря на объективные изменения, произошедшие в системе международных отношений после распада СССР, по-прежнему базовые нормативно-правовые документы, которые зафиксировали «правила игры», и обозначили те центры силы, которые в нынешних условиях определяют развитие мировой политики. Таким образом, исследовательскую задачу сегодня осложняет, с одной стороны, отсутствие единой парадигмы, выраженное в разнообразии концепций и подходов к определению политической модели мироустройства, с другой – ограниченность понятийного аппарата российской политологической школы, основывающейся преимущественно на большом количестве заимствованных на Западе понятий и теорий.

Говоря о проявлениях силы, следует отметить, что ее «мягкий» и «жёсткий» варианты выступают сложно-структурированными формами воздействия посредством различных наборов средств, ресурсов и технологий. На практике они могут дополнять друг друга или являться следствием друг друга. Вместе с тем в нынешних условиях с целью сохранения государства как устойчивой политической единицы не представляется возможным полный отказ от того или иного типа силы. Конечная цель любого государства – защита национальных интересов – обеспечивается через

[13] The Soft Power 30. A global ranking of soft power. URL: https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf (accessed 31.08.2017)

[14] *Heydarian R.J.* The end of China's soft power? April 12, 2014. URL: https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2014/04/end-china-soft-power-japan-terr-201441014352559758.html

[15] В 2014 г. произошла одна из крупнейших, по мнению специалистов, хакерских атак – атака на ядерный проект Ирана.

демонстрацию мощи при помощи различных инструментов. Наиболее значимых результатов могут добиться страны, имеющие, во-первых, четко сформулированные национальные интересы и, во-вторых, привлекательную для граждан своей страны и других стран национальную **модель**.

Вкладываемые средства в развитие «мягкой силы» не обязательно приносят прямо пропорциональную отдачу. Использование «мягкой силы» наиболее эффективно там, где есть целевая аудитория для её принятия и восприятия на культурной, идеологической, цивилизационной основе. Эффективным инструментом здесь могут также служить естественные связи, обусловленные языковой близостью (характерные примеры – «мягкая сила» Испании в Латинской Америке; «мягкая сила» Франции в Африке). Напротив, навязывание позитивного образа странам, общество и элиты которых имеют негативное отношение к другому государству, способно в большинстве случаев лишь ухудшить имидж актора[16]. В этой связи отечественный специалист А.В. Фененко отмечает, что инструменты «мягкой силы» можно использовать для «борьбы с колеблющимися, пытаясь привлечь их на свою сторону, но не в качестве инструмента переубеждения врагов» [Фененко 2016].

Климат международных отношений меняется сегодня с невероятной скоростью. Пример тому – дискуссии между представителями российской и западноевропейской элиты о роли военной силы в мировой политике. В 2013 г. политолог Ф. Эйсбур[17] заявил, что в настоящее время прослеживается тенденция сокращения вооружённых сил ведущих государств вне зависимости от того, являются ли они развитыми странами или странами с растущей экономикой [Лики силы. Интеллектуальная элита России и мира о главном вопросе мировой политики 2013: 105]. Схожей позиции придерживался А.Г. Арбатов, утверждая, что «в условиях глобализации, растущей экономической и гуманитарно-интернациональной взаимозависимости стран роль военной силы относительно уменьшилась по сравнению с другими ("мягкими") факторами силы и национальной безопасности». Вместе с этим в 2017 г. ряд стран, таких как Россия, США и Китай, продемонстрировали курс на увеличение своих военных бюджетов, в то время как расходы Соединённых Штатов Америки на «мягкую силу» были, напротив, урезаны примерно на 30%[18]. В заключение следует отметить две тенденции: 1 – в изменяющихся условиях подходы к определению роли и значения силы устаревают в течение нескольких лет; 2 – важность силового фактора не теряет своей актуальности, а только приобретает.

Список литературы

Аверков В.В., Богатуров А.Д. История международных отношений (1945–2008): конспект лекций: Учеб. пособие для вузов. М.: МГИМО–Университет, 2009. 520 с.

Алексеева Т.А. «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений // Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира: тезисы XXX Харакского форума 26 – 30 мая 2016 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 5–21.

Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт– МОНФ, 1997. 352 с.

[16] Здесь же можно сказать о восприятии России в странах Балтии и, к примеру, Польше. Культивирование обид и претензий среди населения является существенным препятствием для реализации любого рода шагов со стороны РФ.

[17] Ф. Эйсбур является президентом Международного института стратегических исследований (англ. The International Institute for Strategic Studies).

[18] *Nye J.S.* Donald Trump and the Decline of US Soft Power. February 6, 2018. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-american-soft-power-decline-by-joseph-s--nye-2018-02

Богатуров А.Д. Современные глобальные проблемы. М.: Аспект Пресс, 2010. 349 с.
Братерский М.В. Экономическая мощь в мире «жёсткой» и «мягкой силы» //Актуальные проблемы Европы. 2014. № 3. С. 59–96.
Гусаков А.В. «Жёсткая» и «мягкая» сила как инструменты внешней политики США // Вестник Института стратегических исследований ПГЛУ : сборник научных трудов. 2011. № 1. С. 15–17.
Давыдов Ю.П. Понятие «жёсткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 4. С. 69–80.
Косачев К.И. Мягкая сила и жёсткая сила – не сумма, но произведение // Индекс Безопасности. 2013. Т. 19. №4 (107). С.11–18.
Лики силы. Интеллектуальная элита России и мира о главном вопросе мировой политики / Под ред. С.А. Караганова, Т.В. Бордачева. М.: Международные отношения, 2013. 252 с.
Най Дж. Мягкая сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль.– XXI. 2004. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm. URL (дата обращения: 17.04.2018).
Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: Предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 14–21.
Торкунов А.В., Мальгин А.В. Современные международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2012. 688 с.
Фененко А.В. Реальность и мифы «мягкой силы» // Материалы Российского совета по международным делам. 27.01.2016. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/realnost-i-mify-myagkoy-sily/ (дата обращения: 16.03.2016).
Фененко А.В. Современная история международных отношений: 1991–2015. М.: Аспект Пресс, 2015. 384 с.
Armitage R., Nye J. CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America. Report of the Center for Strategic and International Studies. 2007. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf (accessed 27.04.2017).
Ferguson N. Colossus: The Price of America's Empire. New York: Penguin Press, 2004. 416 p.
Ferguson N. Think Again: Power // Foreign Policy. 2003. No. 134. P. 18–22. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2003/01/01/think_again_power (дата обращения: 14.05.2016).
Gallarotti G. Cosmopolitan Power in International Relations: A Synthesis of Realism, Neoliberalism, and Constructivism. New York: Cambridge Univeristy Press, 2010. 326 p.
Gallarotti G. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used. Journal of Political Power. 2011. Vol. 4. Issue 1. P. 25–47.
Huning W. Culture as National Soft Power: Soft Power // Journal of Fudan University. 1993. No. 3. P. 23–28.
Neorealism and its Critics / ed. by R. Keohane. New York: Columbia University Press, 1986. 392 p.
Keohane R. Realism, Neorealism and the Study of World Politics //Neorealism and Its Critics / Ed. by Robert O. Keohane. New York: Columbia University Press, 1986. P. 1–26.
Keohane R., Nye J. Transnational Relations and World Politics: An Introduction // International Organization. 1971. Vol. 25. No. 3. P. 329–349.
Kissinger H. Russian and American Interests After the Cold War / Rethinking Russia's National Interests // Ed. by S. Sestanovich. Washington: Center for Strategic and International Studies, 1994. P. 1–3.
Kissinger H. The White House Years. New York: Simon & Schuster Paperbacks, 2001. 1521 p.
Mellisen J. Wielding Soft Power: The New Public Diplomacy // Clingendael Diplomacy Papers. 2005. No. 2. P. 6.
Morgenthau H. Politics among Nations. New York: McGraw-Hill Companies, 1967. 419 p.
Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. 336 p.
Nye J. Notes for a soft-power research agenda / Power in World Politics // Ed. by F. Berenskoetter, M.J. Williams. New York: Routledge. Taylor & Francis Group. 2007. P.163–164.
Nye J. Smart power // New Perspectives Quaterly. 2009.Vol.26. Issue 2. P. 7–9.
Nye J. Soft power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.
Nye J. The future of power. New York: Public Affairs, 2011. 472 p.
Rosenau J. Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. New York: Cambridge University Press, 1997. 467 p.
Sicherman H. The Revenge of Geopolitics // Orbis. 1997. Vol. 41. No 1. P. 12–13.
Taylor A.J.P. The Struggle For Mastery In Europe: 1848–1918. Oxford: Oxford University Press, 1954. 638 p.
Tuch H. Communicating With the World: US Public Diplomacy Overseas. New York: St. Martin's Press, 1990. 224 p.
Wang H. & Lu Y.-C. The Conception of Soft Power and its Policy Implications: a comparative study of China and Taiwan // Journal of Contemporary China. Vol. 17. 2008. Issue 56. P. 425–447.

CONCEPTUAL APPROACHES TO DEFINITION OF POWER IN IR THEORY

DARIA LOBANOVA
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

Current state of international relations (IR) is characterized by number of experts as «The New Cold War». In such circumstances exploring ways of reacting on threats and challenges are bringing to the fore. Thereby states, having the needed potential and possibilities, search for the new sophisticated leverages in order to reach necessary political results. The analysis of informational concepts development shows that the importance of power category as a key political resource of any country in its different demonstrations stays the key method of state-to-state communication. In this article author considers the evolution of theoretical approaches for determination of the role of power in accordance with certain political situation in particular historical context. The review of this concept evoltuion in the works of Russian and foreign scientists shows that the representatives of main schools of IR theory have differently assessed and determined the boundaries of using military power and coercive actions, i.e. hard power – on the one hand – and soft power on the other hand, which is defined by professor Joseph Nye as «the ability to attract and co-opt, rather than by coercion» [Nye 2004]. These studies had let to the conclusion about the importance of both of power types in current confrontational international environment. Thus, reservation or sometimes even growing of country's military budget shows its devotion to "hard power", while spending for "soft power" is also stays its significant item of expenditure. Along with this, author judges that both "soft" and "hard" power concepts have definitional ambiguity, that can pose difficulties while exploring the issue.

Keywords:

power; soft power; hard power; realism; neoliberalism; transnationalism; Nye; international relations; world politics; Russia; USA; China.

References

Alekseeva T. (2016). *«Mjagkaja sila» v teorii i praktike mezhdunarodnyh otnoshenij* [Soft power in theory and practice of international relations]. Politicheskoe prostranstvo i social'noe vremya: identichnost' i povsednevnost' v strukture zhiznennogo mira: tezisy XHKH Harakskogo foruma 26 – 30 maya 2016 g., g. Yalta. Eds. T.A. Senjushkina, A.V. Baranov, P. 5–21. URL: http://c-eho.info/diskussiya/item/2575-myagkaya-sila-v-teorii-i-praktike-mezhdunarodnykh-otnoshenij (accessed 29.08.2017).

Armitage R., Nye J. (2007). *CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America* // Report of the Center for Strategic and International Studies. 2007. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf (accessed 27.04.2017).

Averkov V., Bogaturov A. (2009). *Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij (1945–2008): konspekt lekcij: uchebnoe posobie dlja vuzov* [History of International Relations (1945–2008). Summary of lectures: manual for graduate students]. Moscow: MGIMO-Universitet, 520 p.

Bogaturov A. (2010). *Sovremennye global'nye problemy* [Contemporary Global Problems]. Moscow: Aspect Press. 349 p.

Bogaturov A. (1997). *Velikie derzhavy na Tihom okeane. Istorija i teorija mezhdunarodnyh otnoshenij v Vostochnoj Azii posle Vtoroj mirovoj vojny (1945–1995)* [The Great powers at the Pacific ocean. History and theory of international relations in East Asia after World War II]. Moscow: Konvert-MONF. 352 p.

Braterskiy M. (2014). *Ehkonomicheskaya moshch' v mire «zhestkoj» i «myagkoj sily»* [Economic power in the world of hard and soft power]. Aktual'nye problemy Evropy. 2014. No. 3. P. 59–96.

Davydov J. (2004). *Ponjatie zhestkoj» i «mjagkoj» sily v teorii mezhdunarodnyh otnoshenij* [The concept of hard and soft power in theory of international relations]. Mezhdunarodnye processy. Vol. 2. No. 4. P. 69–80.

Fenenko A. (2015). *Sovremennaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij: 1991–2015: Uchebnoe posobie* [Modent history of international relations: 1991–2015]. Moscow: Aspect Press. P.9.
Fenenko A. (2016). *Real'nost' i mify «mjagkoj sily»* [Reality and myths of soft power]. Materials of Russian Council on Foreign Affairs. 27.01.2016. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/realnost-i-mify-myagkoy-sily/ (accessed 16.03.2016).
Ferguson N. (2003). *Think Again: Power*. Foreign Policy. No.134. P.18 – 22. [Электронный ресурс] URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2003/01/01/think_again_power (accessed: 14.05.2016)
Ferguson N. (2004). *Colossus: The Price of America's Empire.* New York: Penguin Press. 416 p.
Gallarotti G. (2010). *Cosmopolitan Power in International Relations: A Synthesis of Realism, Neoliberalism, and Constructivism.* New York: Cambridge University Press. P.13.
Gallarotti G. (2011). *Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used*. Journal of Political Power. Vol. 4. Issue 1. P.25–47.
Gusakov A. (2011). *«Zhestkaja» i «mjagkaja» sila kak instrumenty vneshnej politiki SshA* [Hard and soft power as tools of american foreing policy]. Pyatigorsk, Vestnik Instituta strategicheskih issledovanij PGLUv: sbornik nauchnyh trudov. Vol. 1. P. 15–17. URL: http://old.pglu.ru/science/researches/nii panin/vestnik/v1/Gusakov_A_V.pdf
Huning W. (1993). *Culture as National Soft Power: Soft Power.* Journal of Fudan University. No. 3. P. 23–28.
Karaganov S.A., Bordachev T.V. (2013). *Liki sily. Intellektual'naja jelita Rossii i mira o glavnom voprose mirovoj politiki* [Faces of power. Intellectual elite of Russia and the world on main topic of international politics]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija – International relations. 252 p.
Keohane R. (1986). *Neorealism and its Critics.* Neorealism and the Study of World Politics. New York: Columbia University Press. P.12.
Keohane R. (1986). *Realism, Neorealism and the Study of World Politics.* Neorealism and Its Critics, ed. Robert O. Keohane. New York: Columbia University Press. P. 11–12.
Keohane R., Nye J. (1971). *Transnational Relations and World Politics: An Introduction.* International Organization. New York: International Organization. Vol. 25. No. 3. P. 329–349.
Kissinger H. (1994). Russian and American Interests Юfter the Cold War. Rethinking Russia's National Interests. Ed. by Stephen Sestanovich. Washington: Center for Strategic and International Studies. P. 1–3.
Kissinger H. (2001). The White House Years, New York: Simon & Schuster Paperbacks. 1521 p.
Kosachev K. (2013). *Mjagkaja sila i zhestkaja sila – ne summa, no proizvedenie* [Soft and hard power – not a total, but a product]. Indeks Bezopasnosti. Vol .19. No. 4. P.14.
Mellisen J. (2005). *Wielding Soft Power: The New Public Diplomacy*. Clingendael Diplomacy Papers No. 2. P.6.
Morgenthau H. (1967). *Politics among Nations.* New York: McGraw-Hill Companies. 419 p.
Nye J. (1990). *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books. 336 p.
Nye J. (2004). *Mjagkaja sila i amerikano-evropejskie otnoshenija* [Soft power and american-european relations]. Moscow: Svobodnaja mysl' – XXI. P.15. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm. URL (дата обращения – 17.04.2018).
Nye J. (2004). *Soft power: The Means to Success in World Politics.* New York: Public Affairs. P.1–23.
Nye J. (2007). *Notes for a soft-power research agenda.* Power in World Politics. Ed. by F. Berenskoetter, M. J. Williams. New York: Routledge. Taylor & Francis Group. P.163–164.
Nye J. (2009). *Smart power.* New Perspectives Quaterly. Vol.26. Issue 2. P. 7–9.
Nye J. (2011). *The future of power.* New York: Public Affairs. P.320.
Parshin P. (2014). *Dva ponimanija «mjagkoj sily»: Predpossylki, korreljaty i sledstvija* [Two perceptions of sort power: premises, correlates and effects]. Vestnik MGIMO Universiteta. Vol. 2 (35). P. 14–21.
Rosenau J. (1997). *Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World*. New York: Cambridge University Press. 467 p.
Sicherman H. (1997). *The Revenge of Geopolitics*. Orbis. Vol. 41. No. 1. P. 12–13.
Taylor A.J.P. (1954). *The Struggle For Mastery In Europe: 1848–1918*. Oxford: Oxford University Press. 638 p.
Torkunov A., Mal'gin A. (2012). *Sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija. Uchebnoe posobie* [Modern international relations. Text edition]. Moscow: Aspect Press. 688 p.
Tuch H. (1990). *Communicating With the World: US Public Diplomacy Overseas.* New York: St. Martin's Press. 224 p.
Wang H. & Lu Y.-C. (2008). *The Conception of Soft Power and its Policy Implications: a comparative study of China and Taiwan.* Journal of Contemporary China. Vol. 17. Issue 56. P. 425–447.